УДК 343.9

М.К. Каминский

ВУЛЬГАРНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ЕГО ПАГУБНОСТЬ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье с позиций марксистского понимания сущности диалектического материализма показывается пагубность вульгаризации идей материализма, приводящей к профанации как в криминалистической теории, так и в криминалистическом образовании. На основе анализа процесса преобразования состояний объектов воздействия в преступной деятельности объясняется происхождение натурального основания следа и его идеальное понимание в ходе восприятия субъектов деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, что позволяет рассматривать след как «кентавр-систему», в которой есть натуральное основание и идеальное (мысленное) понимание содержания процессов, породивших это натуральное основание.

Принятый материалистический деятельностный подход позволяет дать принципиально новое определение криминалистики: криминалистика обнаруживает, фиксирует, объясняет особенности мыследеятельности при взаимодействии преступной деятельности и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений в процессе воссоздания идеальной модели содержания минувшего деятельностного события и на этой основе формулирует нормы и правила этого вида мыследеятельности.

Именно в рамках этих норм и правил должны разрабатываться методические указания и технико-информационные средства практических действий, для чего требуется развитие отдельного (не научно-исследовательского) вида деятельности – методически-проектировочного.

Ключевые слова: действительность, реальность, отражение, мыследеятельность, след, материалистически подход, криминалистика.

Невежество – это демоническая
сила, и мы опасаемся, что она
станет причиной еще
многих трагедий
К. Маркс

С незапамятных времен предписание лицу, в обязанности которого было восстановление попранного права, выражалось у всех народов одной формулой: «След гнати». Глагольная форма существительного «след» – следить, выслеживать с очевидностью указывает на два факта.

Во-первых, лицо, «работающее» со следом, изначально должно его опознать, для чего необходимо действовать: сканировать глазами, измерять, обонять и т. д. Во-вторых, опознанный и означенный как «след» объект следует «пытать», спрашивать с тем, чтобы воссоздать механизм его образования, то есть воссоздать в идеальной (мысленной) модели действия лиц, преобразовавших исходное состояние объекта в его конечное состояние, которое и означается термином «след».

Вполне понятно, что выполнить два указанных условия может не каждый, а только обученный человек. И это подтверждается исторической практикой – следопыты всегда принадлежали и принадлежат к особой группе людей, к группе, в которой всегда есть учитель и ученики.

Многовековая практика наблюдений за процессм взаимодействия двух материальных объектов, преобразования их состояний порождала такой особый социокультурный объект, каким является знание. Знание о том, например, какую форму, размеры и другие признаки имеет отпечаток копыта лошади на различных поверхностях; воинам какого племени принадлежит стрела, извлеченная из раны оборонявшегося; к какому роду принадлежит укравший рой пчел, судя по отметинам на коре дерева от орудий разруба ствола и т.д. и т.п.

Возникнув в ходе исторической практики, знания приобретают особый статус, становятся особым социокультурным объектом. На знания нельзя указать, их нельзя измерить, взвесить, разделить на части и т.д. Они существуют в форме стратифицированных блоков. И подготовленный, и, тем более, образованный специалист способен выбирать нужные знания для конкретного случая.

Для чего же нужны знания? Ведь оперировать знаниями нельзя. Знания реализуют одну, но важнейшую функцию: они служат методическим ориентиром построения действия.

Передавая знания, учитель вместе с ними передавал ученику программу действий: увидел, опознай, пытай (спрашивай). Вполне понятно, что при многократном повторении учеником действий по заданной программе физиолого-динамическая составляющая действий сводила их к движениям, а рефлексивная составляющая – затушевывалась. Осознания того факта, что реально существующее состояние материального объекта означено термином «след» на этой стадии обучения не требовалось.

Круг объектов, с которыми имел дело следопыт, охотник и другие субъекты, весьма ограничен, а ситуации однотипны.

Картина резко меняется по мере того, как в развивающемся капиталистическом обществе (конец XVIII – начало XIX в.) складывается особый социальный слой, имя которому ПРЕСТУПНЫЙ МИР, главной фигурой которого выступает профессиональный ПРЕСТУПНИК, которым овладевает ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Чины криминальной полиции, раскрывая насильственные преступления, в которых ведущим видом действий являются физические действия, преобразующие состояние материальных объектов, сталкиваются с большим спектром конечных состояний преобразованных объектов. Это и оттиски папиллярных узоров, оттиски подошвенной части обуви и частей одежды, деформации материальных объектов, причиненные действиями взлома, разруба, распила, деформации металла на внутренних поверхностях деталей замков, пыль и мелкие частицы веществ и т. п.

«Не стояли в стороне» и ненасильственные преступления, например мошенничество, раскрывая которое полицейский (следователь) сталкивался с вещами (фальшивые драгоценности, поддельная живопись и пр.), а также с показаниями потерпевших. И хотя внешне фальшивый бриллиант, показания потерпевших и прочее ничего общего с оттиском узора папиллярных линий не имеют, но и те, и другие порождены одинаковым процессом – преобразованием исходного состояния объекта в его конечное состояние, а именно с ним, то есть с конечным состоянием объекта и сталкивается ДВРП (деятельность по выявлению и раскрытию преступления) на первоначальном этапе.

Таким образом, чтобы двигаться (идти) по следам необходимо преобразовать конечные состояния объектов, которые возникли в ходе процессов минувшего события, в СЛЕДЫ.

Эта потребность как раз и ставит вопрос о том, что такое СЛЕД и как он возникает.

Иными словами, является ли СЛЕД объектом, существующим вне нас и независимо от нас? Или он является сложной системой (этаким кентавром), в которой существуют в противоречивом единстве идеальное и материальное?

Декарт говорил: истина очевидна и ответ на поставленные вопросы будет зависеть от тех методологических предпосылах, на которых стоит отвечающий.

И здесь есть две (и только две) возможности.

Первая из них – позиция натурализма[1]. Эта позиция не различает естественное и искусственное, то есть мир природы (реальность) и мир человеческой деятельности (действительность) – мир людей.

При таком подходе нет СЛЕДА, есть след-объект, существующий сам по себе, и этот след-объект отражается сознанием субъекта познания.

Именно с этих позиций, на мой взгляд, строится подавляющее число исследований, да и сама криминалистика начала XXI в.

К чему это приводит? К тому, что в ходе обучения передаются знания (а отсюда и алгоритмы действий) о наиболее часто встречаемых формах объектов, называемых следами, и обученный вполне справляется с решением известных ему задач.

Однако практика многогранна и разнообразна, и если подготовленный с этих позиций человек сталкивается с задачей, которая не рассматривалась в ходе обучения, то самостоятельно создать внутренние средства действий такой человек не может.

Вот идет осмотр места происшествия (ОМП) – в комнате обнаружен труп. Лица, проводившие ОМП, последовательно и достаточно полно описали такие обнаруженные следы, как оттиски, взломы, раны и т.д., то есть те объекты, которые позиционировались как следы. Описано также окно, открытые шторы, комнатное растение, поставленное впритык к левому краю окна, а не посередине подоконника, как это обычно бывает.

[1] Лапин Е.С. Место философской материалистической теории отражения в науке криминалистике // Вестник криминалистики. 2014. № 3.

Описано и сфотографировано, правда, нет снимка цветка. Ну, а для чего? Стоит цветок на подоконнике и пусть стоит. И если спросить у лиц, участвовавших в ОМП: является ли следом стоящий на подоконнике горшок с цветком, то ответ будет отрицательный (случай из личной практики).

В действительности – это СЛЕД, говорящий лицу на улице: «опасности нет, заходи».

Как видим, объектный подход, подход-созерцание, исключение из построения живой человеческой деятельности, субъективности препятствовали построению СЛЕДА.

В противовес натурализму системно-мыследеятельностный подход, играющий роль методологических предпосылок исследования и деятельности, – это диалектико-материалистический подход.

К. Маркс в первом тезисе о Фейербахе писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика не субъективно[2].

Таким образом, материалистическая диалектика есть не что иное, как утверждение действительного мира человека, то есть совокупности всех тех представлений человека, порождаемых его деятельностью и мышлением, но при условии понимания наличия реальности, то есть материи, на которой человек паразитирует.

Подчеркнем еще раз, что след – это особая «кентавр-система». В нем есть натуральное основание и идеальное (мысленное) понимание содержания тех процессов, которые это натуральное основание породили.

Именно поэтому так важно понимать, что след всегда начинается с отражательных действий над объектом: фиксация его наличия, формы, размеров, положения, взаиморасположения, выделение частей объекта и т. д. Одним словом, след всегда начинается для криминалиста с восприятия.

Но если этим все и заканчивается, то следа нет. Для того чтобы возник действительный след, необходимо выйти из плоскости отражательных действий, войти в плоскость мышления (которая, кстати, ортогональна плоскости действия) и решить важнейшую задачу следообразования – задачу знакозамещения.

Отразив наличие, форму, размеры и прочее, повреждения костей височной части черепа трупа, мы говорим «огнестрельное повреждение». И если теперь этот знак, то есть «огнестрельное повреждение» (ОП), возвращаем к объекту, то его содержание, то есть образ, с которым мы начинаем работать, порождает след, то есть содержание образа. Он то и порождает другие следы: «входное отверстие», «выходное отверстие», «раневой канал», «траектория полета снаряда», «дистанция выстрела», «место нахождения стрелявшего».

Сказанное с очевидностью (Декарт говорил: «Истина очевидна») подтверждает тот факт, что криминалистическое мышление, в отличие от всех других типов мышления – аналитического, проектировочного, мышления по принятию управленческих решений и пр., имеет маятниково-колебательный характер. Причем колебания, о которых идет речь, лежат в двух ортогональных плоскостях. Вертикальная плоскость содержит колебания от следа к движениям, действиям, средствам, задачам, фазам ПД, наконец, к ее субъекту. Это собирание, индукция, заданная форма организации сознания.

И от исходной криминалистической модели ПД к фазам ее развития, к решаемым задачам, к действиям, движениям, средствам, к следам. Это дедукция.

Как тут не вспомнить Г. Гросса, который писал: «Исследовать “доказательства” и сделать из них вывод в сущности значит, о предшествовавшем умозаключить по следствиям и, наоборот, о последствиях умозаключить по предшествовавшему»[3].

Вместе с колебаниями «след–действия–субъект» и «субъект–действие–след» «маятник» криминалистического мышления движется в плоскости Г.Гросса «от настоящего к прошлому» и от «прошлого к настоящему», и можно добавить «к будущему», оставаясь в рамках логической формулы «если …, то».

Именно «маятниковая» природа позволяет утверждать наличие криминалистического мышления как мышления особо вида.

В каком же поле протекают сложные процессы криминалистического мышления? Ответ может быть только один: в поле информирования между ПД и ДВРП. Пора отказаться от расплывчатых сино-

[2] Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1979. Т. 2. С. 3-6.
[3] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: ЛексЭст, 2002. С. 10.

нимичных определений информации в виде сведений, данных и прочих определений. Информация – всегда преобразование исходного состояния объекта в его конечное состояние: живой человек – труп, целая преграда – взлом, сказанное слово – восприятие (понятое) слово и т. д.

Возникая в ПД, информация принимает (опять таки в силу преобразования) новую кодовую форму (трупные пятна, окоченение, новое значение исправленной цифры и т. д.) и, наконец, в новой кодовой форме может оказаться на входе ДВРП. Так протекает процесс информирования, то есть процесс движения неизменной информации при изменении кодовых форм. И стать достоянием в ходе ДВРП информация может лишь тогда, когда ее субъект способен раскодировать, расшифровать ее с помощью отражательных и мыслительных действий, то есть с помощью мыследеятельности.

Поэтому пора перейти от эклектики, от бесплодных споров о предмете криминалистики к четкому определению того, что она изучает и что «выдает» на выходе.

Криминалистика обнаруживает, фиксирует, объясняет особенности мыследеятельности при взаимодействии ПД и ДВРП в процессе воссоздания в идеальной модели содержания минувшего деятельностного события и на этой основе формулирует нормы и правила этого вида мыследеятельности.

Именно в рамках этих норм и правил должны разрабатываться методические указания и технико-информационные средства практических действий, для чего требуется развитие отдельного (не научно-исследовательского) вида деятельности – методически-проектировочного.

При таком понимании сути обсуждаемой проблемы становится очевидной первостепенная задача, стоящая перед криминалистикой как наукой. Это разработка норм и правил мыследеятельности в рамках эвристических компьютерных программ.

Машинный продукт, однако, можно создать лишь на основе исходных криминалистических моделей ПД разного содержания[4], что особенно важно в современных условиях динамики ПД и уголовного законодательства.

Проецируя сказанное на проблему криминалистического образования и подготовки, нельзя не признать, что они сегодня строятся исходя из натуралистических, а не диалектико-материалистических методологических предпосылок.

Во всех ФГОС по-прежнему, прежде всего, выступают знания как основа так называемой компетентности, а отнюдь не формирование способностей криминалистической мыследеятельности. Поэтому собственно методологии и теории криминалистики ее учебные курсы не содержат. За ширмой отражения по-прежнему кроется изучение частных вопросов практики, что не формирует способности выпускника строить систему внутренних средств ДВРП.

Не умея (или не желая) стандартизовать процесс обучения, мы страндартизируем его продукт, что абсурдно. Тем более абсурдно, что ФГОСы одинаковы для университетов, вузов МВД, ФСБ, МО. Еще более абсурдна современная стандартизация образовательного процесса в магистратуре. Особое возмущение вызывает ФГОС по специальности «Судебная экспертиза», предусматривающий пятилетний срок обучения по профилю «специалитет». И если это оправдано для подготовки экспертов-криминалистов, то для подготовки экспертов иных профилей не просто не пригодно, но крайне вредно.

И все это результат натурализма, вульгарного материалистического подхода, результат невежества.

Поступила в редакцию 11.05.16

M.K. Kaminsky

VULGAR MATERIALISM AND ITS HARMFULNESS FOR CRIMINALISTICS AND FORENSIC EDUCATION

The article from the standpoint of the Marxist understanding of the essence of dialectical materialism shows the harmfulness of the vulgarization of the ideas of materialism, which leads to the profanation of both criminological theory and forensic education. On the basis of the analysis of the process of transformation of the objects of influence in criminal activity the author explains the origin of the natural trace base and its perfect understanding in the perception of stakeholders to identify and solve crimes that can be considered a track like “centaur-system”, which is a natural base and perfect (mental) understanding of the content of the processes that gave rise to a natural base.

[4] Не лишне вспомнить, что эта работа в советское время успешно проводилась в трудах И.Л. Шраги, С.П. Голубятникова, А.А. Эйсмана, В.Г. Танасевича.

Adopted materialistic activity approach allows us to give a fundamentally new definition of criminology: criminology detects, fixes, explains the features of mental activity in the interaction of criminal activities and activities to identify and solve crimes in the process of recreating the ideal model of the content of the last of the activity events and on this basis formulates the rules and regulations of this type of mental activity.
It is within these rules and regulations one should develop guidelines and technical and informational means of practical action, which requires the development of a separate activity – methodically-Engineering.

Keywords: reality, substantiality, reflection, thought-activity, trail, criminalistics.

Каминский Марат Константинович,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

Kaminsky M.K.,
Doctor of Law, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 462034